

ПОПУЛЯРНАЯ ФИЛОСОФИЯ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

ЧЕЗАРЕ
ЛОМБРОЗО

**ГЕНИАЛЬНОСТЬ
И ПОМЕШАТЕЛЬНОСТЬ**
ХРЕСТОМАТИЯ

С КОММЕНТАРИЯМИ
И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА**

Философ гениальной материи

Бывают философы, которые сразу еще при жизни входят в канон, как Лейбниц или Гегель — все знают, что они предложили немало нового, без чего не смогут развиваться частные научные отрасли. Бывают и те философы, которые нуждаются в посредниках, чтобы их приняли для изучения в школе или в университете, — например, Сократ прямо называл себя философом, но чтобы он попал в учебники, требовалось, чтобы Платон записал его выступления и показал, что метод провоцирующих вопросов применим и к самым главным проблемам бытия. Бывают философы-посредники, своего рода продюсеры философии: например, только специалисты знают, кто такой Алоис Риль, но без трудов Рилиа Ницше не вошел бы в канон обязательных философов, оставшись чудаковатым писателем со склонностью к головокружительным парадоксам.

Чезаре Ломброзо не называл себя философом вообще, но он вполне отвечает всем трем рубрикам. Уже при жизни он был знаменит, так что его появление в театре или в суде могло изменить настроение всей публики, внушить новую политическую или социальную идею. У него были посредники, которые и оформили его научные поиски и догадки в завершенную систему, прежде всего Энрико Ферри (1856–1929) и барон Рафаэль Гарофало (1851–1934), объединившие юридические, антропологические и психологические достижения учителя в науку о множественности факторов социального и нравственного развития. Наконец, он, будучи вполне самостоятельным и смелым исследователем, оказался сам посредником для такого ведущего движения в философии XIX века, как позитивизм, — учения о том, что

Александр Марков

естественнонаучные представления, термины и различия могут лечь в основу наук об обществе и культуре.

Чезаре Ломброзо (1835–1909) родился в Вероне, в богатой и многодетной еврейской семье. Этот североитальянский город находился тогда под властью Австрийской Империи, что было хорошо для семьи: в Австрии, в отличие от Германии, торжествовала веротерпимость и антисемитизм встречался редко. Вместе с тем, Ломброзо вспоминал свое детство как жизнь в оккупации: австрийские солдаты на улицах с их муштрой, цензура и опасения сказать что-то лишнее, противоречивые распоряжения городской администрации и навязчивая бюрократия — всё это казалось противоречащим итальянскому духу. Потом, когда он приехал в Варшаву, входившую в состав Российской Империи, он тоже обращал внимание на казармы, заставы и канцелярии и мечтал о том, чтобы всех этих наслоений не было, всех этих противоречащих природе предрасудков социального существования, вызванных желанием насилия, но чтобы в живой жизни восторжествовали все прочие желания, кроме насилия.

В университете Ломброзо изучал литературу и археологию, пытаясь проникнуть в сокровища подлинно римского духа, скрытые за обветшавшими строениями эпох и культур. Но он был универсалом, и весьма рано, в середине 1850-х годов, стал исследовать такую патологию как кретинизм, или умственную отсталость, объезжая города и деревни Ломбардии. Это юношеское исследование определило его научное мировоззрение на десятилетия вперед: ведь кретинизм, в отличие от других психических недугов, имел простую причину — нехватку питания в голодные годы. Ломброзо, конечно, связал очевидные вещи: недобор массы тела и умственную неразвитость, и затем во всех последующих трудах просто более искус-

Философ гениальной материи

но и неожиданно, но так же жестко связывал материальные физические и психические параметры объектов.

Следует напомнить читателю, чем было тогда итальянское Рисорджименто — движение за объединение страны. В те годы за ним стоял тенью Наполеон III, считавший, что единая Италия станет лучшим союзником Франции на юге Европы, настоящей морской державой, которая позволит Франции диктовать свою волю и Англии, и Германии хотя бы в средиземноморских делах. Конечно, Наполеон III не всегда понимал реальные экономические закономерности, приведшие к торжеству британского флота на всех морях; но он был слишком деятельным и не признавал никаких препятствий, так что охотно оказывал поддержку всем силам, которые собирались создать единое итальянское государство с центром в Риме. Вождь французов заручился нейтралитетом России, враждовавшей против Англии и Австрии после Крымской войны, и опираясь на низы, на авантюристов и любителей повоевать, как он делал и во внутренней политике, начал бои.

Войсками командовал король Пьемонта Виктор Эммануил II, решивший стать королем всей Италии и уже в 1861 году добившийся своего. Военные действия сопровождались восстаниями, референдумами, объединением провинций, и состояли из множества локальных сражений. Понятно, что таким смутам, охватившим всю Италию, предшествовали брожения — сам Ломброзо успел отсидеть в тюрьме по обвинению в заговоре, но был вскоре отпущен с очередной победой итальянцев и отправился на фронт врачом-санитаром. Сразу после окончания общеитальянской войны он вернулся к спокойной академической карьере, но быстрые исторические перемены впечатлили его как ничто другое.

Александр Марков

Ведь Ломброзо видел, как вдруг в малых и спокойных городах возникают армии, партии, парламенты и министерства, и это навело его на главную интуицию его позитивизма: он предположил, что ближайшие материальные условия, например, климат и рельеф местности, и определяют жизнь духа. Такова и была идеология Рисорджименто, итальянского объединения: надлежало поверх местных традиций сказать, что есть итальянцы вообще, как южане, которые артистичны, душевны и даже легкомысленны — иначе как объяснить такое быстрое создание национального государства. И конечно, на них здесь повлиял климат, живописные ландшафты и боевой темперамент в крови — такой наскоро изобретенный идеал итальянца поддерживал, например, Дж. Верди в своих операх, пока он не был оспорен сначала технократизмом футуризма, а потом — сострадательностью неореалистического кино.

Карьера Ломброзо после окончания войн складывалась быстро: уже в 1862 году он становится профессором психических болезней в университете Павии. Там он начинает читать несколько курсов, и «Гениальность и помешательство» (буквально, «Гений и безумие», *Genio e follia*) — это один из прочитанных в университете курсов, превращенный в книгу. Первое издание ее вышло в 1864 году и сразу сделало автора знаменитым. Первичным материалом для него стало наблюдение за рисунками и стихами пациентов местных лечебниц, но также и чтение большого числа книг о гениях. Вскоре Ломброзо, не оставляя преподавания, возглавил Клинику душевных заболеваний в Пейзаро, но также и путешествовал по стране, чтобы собирать необходимую статистику по психическим патологиям.

Основной его интерес постепенно смещался от психологии творчества и от исключительных состояний к более

Философ гениальной материи

общим социальным закономерностям. Надо было преодолеть влияние романтизма, в котором народный дух объявлялся таинственным и непостижимым — такая игра в тайны совсем не соответствовала остроте и все большей жесткости политических отношений в мире, где всем предстояло стать практичнее, решительнее и даже бодрее. Сначала он попытался создать общую теорию рас, как раз поставив в зависимость от климата и ландшафта поведение различных народов — эта теория, хотя и составляет давно отвергнутое далекое прошлое науки, была тогда актуальна на фоне набиравшей мощи Германии, политического и экономического подъема в обеих Америках, что и поставило под вопрос, насколько римское наследие может считаться универсальным основанием права и культуры. Поэтому вслед за исследованием «рас», иначе говоря, характеров разных народов и их предрасположенности к различным военным и мирным занятиям, Ломброзо перешел к тотальной критике старой теории права, не принимая как систему римского права, так и кодекс Наполеона. Он решил реформировать право на основе естественных наук и психологии, прежде всего теории эволюции, объясняя правовые отношения по образцу природных, например, сопоставляя поведение преступников и хищников и требуя сохранения человеческой природы от вторжения звериных агрессивных атавизмов.

В 1876 году Ломброзо стал профессором юридической психиатрии и криминальной антропологии в Турине, ознаменовав приобретение кафедры выпуском новой книги «Преступный человек». В ней он пытался доказать, что существуют биологические признаки, которые делают человека предрасположенным к различным преступлениям. Как в природе определенное строение зубов делает зверя хищным или травоядным, так и в человеческой жизни,

Александр Марков

например, полные губы и приплюснутый нос делают мужчину насильником, а сросшиеся брови — убийцей. Ломброзо составил целые атласы, смешивая главные биологические признаки со второстепенными, пытаясь отыскать сложную, но однозначную формулу преступных типов. В Турине Ломброзо и провел остаток жизни, фактически руководя всеми психиатрическими исследованиями.

Конечно, Ломброзо много критиковали и при жизни, и после смерти. Его обвиняли прежде всего в нарушении медицинской этики: как он посмел выставлять диагнозы поэтам, художникам и изобретателям отдаленных эпох только по случайным биографическим данным, что нарушает и врачебную тайну, и профессиональное требование очного разговора с пациентом. Но также его критиковали и за произвол в выделении преступных типов в его криминологической системе: во-первых, само социальное устройство нельзя было привести в соответствие с биологическими ожиданиями, что кто-то с обезьяньими атавизмами склонен к преступлению (например, в одном из первых исследований, проверявших данные Ломброзо, оказалось, что 2/3 солдат вполне подходят под патологические криминологические характеристики), во-вторых, криминология Ломброзо отменяет презумпцию невиновности, а значит, и любые духовные основы права. Одним из первых критиков Ломброзо стал Франц фон Лист, двоюродный брат знаменитого композитора, увидевший опасность идей Ломброзо в том, что они отменяют состязательный принцип права, ставя на место честного спора естественнонаучную экспертизу.

Но чтобы понять позицию Ломброзо, надлежит прежде всего дать отчет, что он стал итальянским эмиссаром европейского позитивизма. Все знают, что позитивизм — это философское движение XIX века, распространившееся

Философ гениальной материи

теорию эволюции и другие открытия в естественных (как тогда говорили «позитивных», положительных) науках на социальную и культурную жизнь. Для позитивиста мысль или искусство — такое же проявление природной необходимости, как инстинкт или нервная реакция. Может быть, это проявление сложнее и неоднозначнее, но оно является такой же частью развития живой материи.

Позитивизм был направлен против идеи свободы воли, как ее сформулировал Кант, противопоставивший свободу воли (Freie Wille) как правовое основание бытия нашей личности среди других личностей и произвол (Willkür) как результат ложных убеждений и установок. По Канту, свобода воли основана на том, что мы признаем за другим те же права, что и за собой, что мы можем стать своими для других и другом для своих; а значит, мы можем принять то решение, которое никак не следует из природной необходимости, но только показывает, что мы действуем в своем праве, не нарушая права других. Тогда как произвол, самодурство — это как раз неумение чтить права личности, это убеждение в асимметрии правовых отношений, что я могу сделать с другим то, что он не может, не должен или не посмеет сделать со мной.

Для позитивистов концепция Канта слишком тесно связана с мечтами эпохи Просвещения о всеобщем равенстве, о полном предоставлении каждой личности всех гражданских прав. Позитивисты говорили, что в человеке слишком сильно животное начало, слишком велика косность материи, слишком ощущается действие природы с ее императивом выживания, чтобы можно было признать просветительские конструкции достоверными. Такая позитивистская позиция встречается и в наши дни, например, в книге «Эгоистичный ген» Р. Докинза; и ей противопоставляется новое или «темное» Просве-

щение, социальный конструктивизм, часто устанавливающий уже равенство по правомочности не только всех людей, но и людей, животных и вещей, как в объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана или акторно-сетевой теории Бруно Латура.

Но у позитивизма было немало заслуг перед наукой: как в наши дни Р. Докинз создал гениальный термин «мем», так и тогда вождь британских позитивистов Герберт Спенсер (1820–1903) обосновал понятие психической энергии как главного содержания биологической и социальной жизни; энергии, которую можно накапливать и тратить. Именно это представление Спенсера укоренилось в языке, когда мы, например, говорим, что на отдыхе восстанавливаем силы и заряжаемся. И по сути, теория гениальности как помешательства, выдвинутая Ломброзо — лишь усиленная теория психической энергии: гений творит, не просто накопив энергию, а дав ей безраздельно накапливаться, и не регулирует разрядку психической энергии, а пускает дело на самотек, весь отдавая себя творчеству. Поэтому гений может рассматриваться как психопат, а может — как аномальный случай того, что делают все люди в работе с собственной психической жизнью, как то самое исключение, которое позволяет лучше понять правило.

Но для Ломброзо был ближе французский позитивизм. Наверное, самый близкий его заочный последователь, чьи идеи Ломброзо предвосхитил на совсем другом материале — Жан-Мари Гюйо (1854–1888), писатель и философ, объяснявший, что Кант был неправ в своей этике — ведь и удовлетворение личных потребностей, и нравственный поступок прежде всего дают нам чувство удовлетворения, а потом уже задним числом под это подводится идея автономии личности. Гюйо считал, что вся нравственность человека — это работа со своей энергией: например, геро-

Философ гениальной материи

ический поступок позволяет почувствовать своё могущество, а значит, силой мысли расширить резервуар, в который поступает психическая энергия. Возвеличив себя не иллюзорно, ты и получаешь большую дозу вполне реальной энергии; и героизм соответствует инстинкту размножения у животных, которое требует тоже хорошего питания и накопления биологической энергии. Различие между Гюйо и Ломброзо только в том, что Гюйо не считал творчество чем-то отличающимся от простой деятельности, для него эрос в природе и эрос в искусстве лежат на одной плоскости, тогда как Ломброзо считает, что в творчестве проявляется не только личная история, но и память поколений, а значит, оно качественно отличается от питания, любви или рутинного труда. Здесь видна разница между французом, множащим параллели и мыслящим метафорами, как делают часто и современные французские философы, и итальянцем еврейского происхождения, который хорошо помнит, что местные предания и корни не дадут о себе забыть, каким бы космополитом ты со своим итальянским происхождением ни хотел стать. Вообще, Ломброзо был патриотом еврейства: считая, что среди евреев много талантов, гениев и безумцев, он объяснял это страданиями народа и естественным отбором, что выжили только духовно сильные, передававшие приобретенные свойства следующим поколениям.

В генеалогическом интересе Ломброзо оказывается близок к другому французскому позитивисту, Бенедикту Огюстену Морелю, который создал теорию наследственных патологий и вырождения, иначе говоря, накопления мутаций. Эту теорию потом обращали не раз против символизма и модернизма, видя в новом искусстве скопище стилистических мутаций; достаточно вспомнить книгу «Вырождение» (1892) Макса Нордау, ненавистника нова-

торов в искусстве и деятеля раннего сионизма. Так и Ломброзо, нередко ссылавшийся на Мореля, считал, что помешательство творческого человека может определяться генетикой, влиянием природных аномалий и социальных неурядиц, болезней, в том числе наследственных; иначе говоря, тем самым злокачественным наследованием, которое и привело к качественной мутации. Заметим, что здесь эта мутация оказывается результатом не отдаленных генетических влияний, но самого широкого генезиса творческого акта, включая непосредственные воздействия прямо в момент создания произведения: для Ломброзо было не так важно, влияет ли на безумие в данные минуты творческой одержимости маньяк-прадедушка или дурной запах, уловленный в момент написания стихотворения. Именно поэтому он так смело раздаёт диагнозы людям, жившим много веков назад: если для него тысяча лет генеалогии как единый миг тяжелого впечатления, то почему нельзя говорить о давно прошедшем как о лежащем под рукой? Вообще, множественная генеалогия отдельных экстатических действий, своего рода ребус — фирменный знак философии Ломброзо: например, он выводил человеческий поцелуй одновременно из животного инстинкта кормления как главного проявления любви и животного же фырканья как предельного возбуждения.

Критики ловили перформативное противоречие (несоответствие смысла высказывания его назначению) в первой же фразе книги: Ломброзо говорит, что писал труд почти в иступлении, но при этом от первой страницы до последней порицает иступление как творческое безумие, требующее тщательного критического анализа научными методами. Тогда почему ученый должен был прийти в иступление? На это можно ответить, обратившись еще к одному французскому позитивисту, основателю экспери-

Философ гениальной материи

ментальной физиологии, однокашнику Мореля — Клоду Бернару; тому самому, которого боготворил Эмиль Золя, а Достоевский устами своего героя осуждал за сведение личностей к типам. Бернар исходил из того, что понять в том числе душевное расстройство можно только тогда, когда ты правильно определил условия эксперимента, например, понял, сколь долго человек терпит какое-то неудобство, а когда наконец недовольство прорывается наружу. Если мы не будем учитывать того, что человек не сразу раскрывает все карты своей душевной жизни, мы просто ошибемся, говорил Бернар, в большинстве диагнозов. В сравнении с прогрессивным реалистом Бернаром Ломброзо казался немного старомодным, но в целом он вполне предвосхитил все его мысли: нужно самому понять, когда именно тебе мешает твоя гениальность, твое вдохновение, твой избыток мыслей или чувств, в какой момент ты переходишь от молчаливого недовольства к громкому, и только тогда можно понять и других людей, отличившихся в различных видах творчества.

Также и криминология Ломброзо, как основателя итальянской антрополого-социологической школы права, исследование форм нравственного помешательства и противоречивых маний преступника, была полемична по отношению и к римскому, и к британскому праву. Если Иеремия Бентам учил, что преступление есть некий эксцесс, который может быть нейтрализован эксцессом последующего наказания, то Ломброзо утверждал, что существует «опасное состояние», иначе говоря, определенная звериность преступников, которые могут совершить преступление, если им не препятствуют нарочно: просто реализовав смерть и хищничество, заложенные в природе. Дело общества — по-разному предотвращать это опасное состояние: и если Ломброзо склонялся к тому,